

Лев Повицкий (1885—1974) — ближайший друг Сергея Есенина, поэт и журналист. Начинаем печатать полный текст его воспоминаний, до сих пор известных лишь частично.

После знакомства с Есениным Повицкий был потрясен есенинской поэзией и, считая, что лучше Есенина писать невозможно, сам перестал стихотворствовать, перешел на журналистскую работу.

В газете "Трудовой Батум" в декабре 1924 года Повицкий опубликовал две статьи о поэзии Есенина, в которых дана наиболее высокая прижизненная оценка творчества поэта.

В МОСКВЕ

Литературная студия Московского Пролеткульта в 1918 году была притягательным центром для молодых поэтов и прозаиков из среды московских рабочих. Первыми слушателями студии были тогда Казин, Санников, Обрадович, Полетаев, Александровский и другие, вошедшие позднее в первое пролетарское литературное объединение "Кузница". Слушателем студии был и я.

Бродя однажды по широким коридорам особняка Морозова, в котором с судом расположился Пролеткульт, я наткнулся на спускающихся с внутренней лестницы дома двух молодых людей. Одного из них я знал. Это был недавно поступивший на службу в канцелярию Пролеткульта крестьянский поэт Клычков. Он остановился и, кивнув на стоявшего с ним рядом молодого парня в длиннополой синей поддевке, сказал:

— Мой друг — Сергей Есенин!

Рядом с высоким, черноволосым, с резко выраженнымными чертами лица, Клычковым, — худощавый, светлолицый, невысокого роста Есенин казался женственно-хрупким и слабым на вид подростком. Это первое впечатление еще более усилилось, когда он улынулся и певчее произнес:

— Сергей Антонович меня здесь принял у вас, — и он указал куда-то неопределенно вверх.

Позднее я к ним заглянул. Они ютились в полуторачном помещении, под самой крышей. Большая, с низким потолком, комната была вся уставлена сборной мебелью: столами, тумбами, табуретками и мелкой древесной всячиной. По-видимому, эта комната служила складочным местом для ненужного и лежавшего внизу хлама. Здесь, у Клычкова, и поселился недавно переехавший из Петрограда Есенин.

В литературных кругах Петрограда Есенина хорошо знали и до 1917 года. В салонах любителей изящной словесности, заигрывающих с "монашески-смиренным" Ключевым, приветливо встречали и скромного "инока", младшего его "брата во Христе" — Есенина.

Богоискателей от литературы влекло к Есенину именно то, от чего он впоследствии сам публично отрекся, а именно — религиозный налет на многих его стихах раннего периода творчества.

"Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрыльях облаках.
Идет возлюбленная Мати
С плечистым сыном на руках...
(Не ветры осыпают пушки...")

"Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья...
(Я пастух; мои палаты...")

Религиозная окраска этих стихов вызвана была особыми условиями его жизни в детском возрасте. Бабка, у которой он воспитывался ребенком, была женщина фанатически религиозная и таскала его по церквам и монастырям. В доме бабки обычно ютились всякие странники и странницы, распевавшие духовные стихи. Все это сильно сказалось на впечатлительной душе ребенка. С откровенной иронией поэт впоследствии говорил, что его ранние стихи потому нравились поэтам-символистам, что эти поэты сами недалеко ушли от наивного мировоззрения его бабки.

Монашески краткие стихи 1914, 1915, 1916 годов успокаивающие действовали на встремленную войной и предвестниками грядущей Революции салонную публику и вызывали сердечную симпатию к молодому, облаченному в самоделишнее крестьянское платье поэту. Нельзя не признать, что обаятельные черты лица на вид простодушного, скромного крестьянского юноши, с светло-льняными волосами, с мягким взглядом голубых, почти синих глаз, — усиливали симпатию к начинаящему поэту.

Есенин прекрасно понимал причины своего успеха в буржуазных и дворянских салонах столицы. В предисловии к "Собранию сочинений в двух томах", написанном им 1-го января 1924 г., он говорит:

"Литературная среда, в которой я вращался в 13-14-15 годах, была настроена

Лит. новости. — 1932. — № 3. — С. 12.

приблизительно так же, как мой дед и бабка, поэтому стихи мои были принимаемы и толкуемые с тем смаком, от которого я отталкиваюсь сейчас руками и ногами. Я вовсе не религиозный человек и не мистично.

И в самом деле ряд стихотворений этого же периода его творчества характеризует его как строгого реалиста пушкинской школы, пытливо взглядывающегося в близкий ему мир русской природы, в домашний уклад крестьянского быта, в полюбившийся ему с детства животный мир деревни.

Есенин стал баловнем судьбы уже с первых шагов своей поэтической карьеры. Его тепло встретили левые из лагеря символовистов — Александр Блок и Андрей Белый; его ласкали и считали родственным по духу крайне правые из того же лагеря — Гиппиус и Мережковский; к нему с интересом присматривались и ярые реакционеры из монархистских кругов столицы.

Стихи его уже печатались отдельными книжками. Так, в заполненной им анкете Всероссийского Союза поэтов от 18/XI-24 года Есенин сообщает о себе, что до Октября печатался в издательствах "Аргус" и "Северные записки".

В 1916 году в Петрограде в издательстве Аверьянова вышла его книжка стихов "Радуница". В 1918 году были изданы "Голубень" в издательстве "Скифы", "Иисус младенец" в издательстве "Сегодня". Для начинаящего поэта это было большим успехом.

Рассказывая мне об этом раннем периоде своей литературной деятельности, Есенин, "под большим секретом", сообщил мне, как он однажды был приглашен в царский дворец.

— Не то через мадам Гиппиус, не то через кого-то другого из близких Мережковского некоторые мои стихи дошли до семьи Николая Второго. Сам он, по-видимому, был равнодушен к поэзии, но стихами моими заинтересовалась вдовствующая императрица Мария Федоровна. Мне передали ее лестный отзыв о моих стихах и желание повидать меня для "сердечного разговора". Недолго спустя, я, в сопровождении двух совершенно мне неизвестных, но отрекомендовавшихся моими горячими почитателями лиц попал в апартаменты покойной императрицы.

Она меня встретила очень ласково. Пхвалила мои стихи, сказала, что я настоящий русский поэт, и прибавила:

— Я возлагаю на Вас большие надежды. Вы знаете, что делается у нас сейчас в стране. Крамольники, внутренние враги подняли голову и сеют смуту в народе. Вот в такое время патриотические верноподданные стихи были бы очень полезны. Я жду от вас таких стихов, и мой сын был бы им очень рад.

— Что же ты ответил Марии Федоровне?

— Я ей сказал: "Матушка, да я пишу только про коров, еще про овец и лошадей. О людях я не умею писать..." Императрица недоверчиво покачала головой, но отпустила меня с миром.

Если этот рассказ (кстати, он сообщил его по "секрету" не только мне одному) и представляет чистый вымысел Есенина, то он все же интересен в другом отношении. Он свидетельствует о том, что Есенин знал, какой он представляет собой "лакомый кусок" для различных общественных сил, боровшихся тогда за влияние в литературе и в жизни. Завербовать в свои ряды высокоодаренного поэта, подлинного сына крестьянской Руси — это улыбалось каждой литературной группировке того времени.

По приезде в Москву Есенин очутился в затруднительном положении. С Зинаидой Николаевной Райх он разошелся, и собственного угла у него не было. Толстые журналы были закрыты и печататься было негде. Голод в Москве давал себя чувствовать все сильнее и сильнее. Надо было что-то предпринять.

После одной долгой беседы мы пришли к мысли открыть собственное издательство. Мы разработали Устав, согласно которому членами этого кооперативного издательства могут быть только авторы будущих книг. Из чистой прибыли 25% отчисляются в основной фонд издательства, а остальные 75% поступают в распоряжение автора книги. Есенин взял на себя подбор родственных по духу лиц для организации этого дела.

Первым он пригласил Андрея Белого. Как позднее он объяснил в своей автобиографии, — "Белый дал мне много в смысле формы".

В лице Белого он хотел продолжить связь с символистами, занимавшими тогда господствующее положение в поэзии.

К символистам, в частности к Александру Блоку, он определенно тяготел в пору своих поэтических исканий:

"О, Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску".

***

"Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу,
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу..."

("Запели тесаные дроги").

Конечно, эти строки — от Блока, а не от Алексея Кольцова, которого он, ради "чести рода", называет своим старшим братом.

На первом организационном собрании будущего издательства нас было 5 человек: Есенин, Клычков, Петр Орешин, Андрей Белый и я. Название издательству было подобрано легко и без споров: "Трудовая артель художников слова". Роли членов Артели были распределены так: заботы о финансовой стороне дела были возложены на меня; ведение переговоров с типографией и книжными магазинами взяли на себя Есенин и Клычков; что-то было поручено Орешину, а Андрей Белый, восторженно закатывая глаза, заявил:

— А я буду переносить бумагу из склада в типографию!

Есенин тихонько мне шепнул:

— Вот комедиант... и глазами и словом играет, как на сцене...

Когда возникли долгие споры и разговоры о том, как достать бумагу для первых 2-х книжек, Есенин вдруг произнес:

— Бумаги я достану, потом узнаете — как...

Все запасы бумаги в Москве были конфискованы, находились на строжайшем учете и контроле. Есенин все же бумагу добыл. Добыл тем же способом, какой он, несколько позднее применял в новом своем издательстве "Имажинисты". Способ этот был очень прост и всегда давал желаемые результаты. Он надевал свою длиннополую поддевку, причесывал волосы на крестьянский манер и отправлялся к журному члену Президиума Московского Совета. Стоя перед ним без шапки, он кланялся и, старательно окая, просил "Христа ради" сделать "божескую милость" и дать бумаги для "крестьянских" стихов. Конечно, отказать такому просителю, от которого трудно было оторвать восхищенный глаз, было немыслимо.

И мы бумагу получили.

Первой была напечатана книжка стихов Есенина "Радуница". В ее волнистые страницы: "Радуница", "Вести о Николе", "Русь" и "Звезды в лужах".

Вслед за "Радуницей" вышли в свет "Голубень", "Сельский часослов", "Преображение", "Ключи Марии". По предложению Есенина мы ввели новое летоисчисление и на обложках наших книжек можно было читать: год 2-й, век 1-й.

Намечены были к изданию, как гласило объявление на последней странице "Преображения", книжки стихов Клычкова, Орешина, Ширяевца, Повицкого, Кузько, Спасского. Однако даже ненапечатанные книги "имеют свою судьбу": издательство неожиданно "лопнуло". Пришли ко мне Есенин и Клычков и объявили, что в кассе артели нет ни копейки денег, купить бумаги не на что и, следовательно, Артель ликвидируется.

Есенин взволнованно и резко обвинял во всем Клычкова, утверждая, что тот, будучи "казначеем", пропил или растратил весь наш основной фонд. Клычков не признавал за собой вины и приводил какие-то путанные объяснения. Так или иначе, но продолжать дело нельзя было. Издательство "Трудовая Артель художников слова" перестало существовать.

После распада Артели материальное положение Есенина снова ухудшилось. Он временами переживал подлинный голод.

Характерен в этом отношении следующий случай.

Однажды Есенин с Клычковым пришли

ко мне на квартиру в Петровских линиях, где я тогда проживал. Поговорили о том, о сем, и я предложил гостям поужинать. Оба охотно согласились. Я вышел в кухню для некоторых приготовлений. Возвращаясь, "сервирую" стол и направляюсь к буфету за продуктами. Там хранился у меня, как особенно приятный сюрприз, довольно большой кусок сливочного масла, недавно полученный мною от брата из Тулы. Ишу масло в буфете — и не нахожу.

Оборачиваюсь к гостям и говорю:

— Никак масла не найду...

Оба прыснули со смеху. Есенин признался:

— А мы не выдержали, съели все без остатка.

Я удивился:

— Как съели? Ведь хлеба не было!

— А мы его без хлеба, ничего — вкусно! — подтверждая оба и долго хохотали, любясь моим смущенным видом.

Конечно, только буквально голодные люди могут наброситься на масло и съесть его без единого кусочка хлеба.

Я решил временно увезти Есенина из голодной Москвы. Я уехал с ним в Тулу к моему брату. Продовольственное положение в Туле было более благополучно, чем в Москве, и мы там основательно подкормились. Для Есенина это была пора не только материального довольства, но и душевного покоя и отдыха. Ни один вечер не проходил у нас впустую. Брат, человек музыкальный, был окружён группой культурных людей, и они тепло встретили молодого поэта. Ежевечерне Есенин читал свои стихи. Все написанное им он помнил наизусть. Читал он мастерски. Молодой грудной тембр голоса, выразительная смысловая дикция, даже энергичная, особенная, чисто есенинская жестикуляция придавали поэтическому слову его своеобразную значимость и силу.

Иногда он имитировал Блока и Белого. Блока он читал серьезно, с уважением. Белого — с издевкой, утрируя как внешнюю манеру читки Белого, так и содержание его посторонних мистических прорицаний.

Часто Есенин пускался в долгие философско-литературные споры с собравшимися, причем философические его искания были довольно туманного порядка, типа рассуждений об "орнаменте в слове", позднее изложенных им в "Ключах Марии".

Доставляли огромное наслаждение музыка его речи, душевная взволнованность, напряженность мысли, глубокая убежденность в правоте своих исканий, необычайная для того времени тема его откровений. Спорщики в конце концов затихали и сами с интересом вслушивались в густо насыщенную образностью и старо-русской песенностью импровизацию на тему об орнаменте в слове и в быту.

Эти вечера надолго оставались в памяти гостей нашего дома. В эти дни глубокий политический перелома, дни рождения нового мира общественных и духовных ценностей, одухотворенная, идеально насыщенная речь этого синеглазого крестьянского юноши сама казалась явлением того же революционного процесса, вздыбившего всю нашу слишком застывшую землю. И когда Есенин в подлинном душевном порыве бросал в зал призывы:

"Сойди, явись нам, Красный Конь!..
Мы ради тебе дугой,
Полярный круг на сбрую, —
О, вывези наш щар земной
На колею иную!", —

глубокая радость охватывала слушателей: вот оно, влесильное, чудодейственное слово. Оно родилось, могуче живет, цветет и дышит на устах этого сына нашей родины — родины воскресшей, родины широко открывшей свои глаза на Божий мир, родины только что омывшей